Григорий

Чухрай

МОЯ ВОЙНА

Я служил в десанте

Моя война

Григорий Чухрай

Я служил в десанте

«Алисторус»
2016

УДК 791.44.071.2(47+57)
ББК 85.374(2)6-8

Чухрай Г. Н.

Я служил в десанте / Г. Н. Чухрай — «Алисторус», 2016 — (Моя война)

ISBN 978-5-906861-95-5

Имя классика советского кино Григория Чухрая не нуждается в особом представлении. «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» навсегда вошли в золотой фонд отечественного кинематографа.Зритель, однако, мало что знает о жизненном пути мастера. Между тем Г. Чухрай прошел всю войну в рядах воздушно-десантных войск, участвуя в самых опасных операциях и зачастую вступая в рукопашную схватку с врагом. В своей книге Григорий Чухрай рассказывает об этом, а также о других эпизодах своей жизни, связанных с войной.

УДК 791.44.071.2(47+57)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-906861-95-5

© Чухрай Г. Н., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Автобиография 6
Детство 6
Отрочество 9
Юность 11
Перед войной 17
Новейшая техника 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Григорий Чухрай
Я служил в десанте

© Чухрай Г. Н., правообладатели
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые

Ф. И. Тютчев

Автобиография

Детство

Человек не волен выбирать, в какой стране и в какую эпоху ему надлежит родиться. Он рождается и все, что его окружает, воспринимает как данность. Он учится жить в этом, данном ему мире и, взрослея, стремится занять в нем не последнее место. Рождение в Советской России – не заслуга, но и не грех, в котором нужно покаяться. Это судьба.

Я родился 23 мая 1921 года в городе Мелитополе на Украине.

Это был голодный год. Недавно окончилась гражданская война. Родители, отец Наум Зиновьевич Рубанов и мать Клавдия Петровна Чухрай, принимали в ней участие на стороне красных.

Когда мне было три года, родители разошлись. У отца образовалась другая семья. Я остался с матерью.

Мама уже была членом коммунистической партии и в своей среде считалась грамотеем – у нее было 4 класса образования. Она верила в социализм и все силы своей энергичной натуры отдавала делу. Всегда много и увлеченно работая, она не могла уделять много времени моему воспитанию. Я принадлежал самому себе. Целые дни я проводил во дворе и на улице, общался со сверстниками и ждал возвращения мамы. Она приходила усталая, но всегда активная, кормила меня, готовила пищу на завтра и расспрашивала обо всем; говорила со мной как со взрослым и без словесных назиданий руководила моими поступками. Ее независимость и скромное достоинство, ее отношение к людям, к работе были главными факторами моего воспитания. Она учила меня уважать тех, кто трудится, и презирать тех, кто наживается на их труде; что плохих национальностей не бывает, что стыдно судить о людях по их национальности, что везде есть хорошие и плохие люди.

Оглядываясь назад, я понимаю, что прожил счастливую жизнь. Дело вовсе не в том, что не было в ней тяжелых моментов, трудностей, бед и даже страданий, что я всегда был сыт, одет и доволен собой. Вовсе нет! В моей жизни было много такого, что бывает и у людей, считающих себя глубоко несчастными. Но я не жаловался на свои беды. Я рано понял, что никто мне ничем не обязан. Но в тяжелые минуты многие люди приходили мне на помощь. Я не жаловался на судьбу, не ждал от нее подарков, а она дарила мне и случай выйти из кризиса, и успех, и верных друзей, любовь и минуты счастья.

А эпоха была суровая.

Первые мои детские воспоминания связаны с коллективизацией. Я помню украинское село, куда мы с мамой приехали «ликвидировать кулака как класс». Я видел, как каких-то людей выводили из хаты, сажали на возы и увозили неизвестно куда. Кто-то рыдал, кто-то ругался, кто-то вполголоса проклинал советскую власть. Мне было жаль тех, кто плакал. Но мама говорила, что это необходимо, что эти люди кулаки, мироеды. Я не понимал, что такое мироеды, но верил маме, что они плохие.

Мы жили в хате дяди Прохора, председателя комбеда. Однажды ночью в наше окно стреляли. Мама стащила меня, сонного, с постели и велела спрятаться под кровать. Дядю Прохора ранили в плечо. Оксана, жена дяди Прохора, порвала сорочку, а мама перевязывала ему руку. Текла кровь. Мне было страшно, и я плакал. Дядя Прохор не плакал, только говорил, что стреляли кулаки и что все равно им крышка. В село приезжали военные с наганами, ловить кулаков. Кулаками оказались соседи дяди Прохора. Их поймали и увезли в город.

Потом на Украине был голод. Люди умирали целыми семьями. Мы с мамой уже жили в Днепропетровске и тоже сильно голодали. К тому же я заболел: организм не принимал пищи.

Мама получила письмо от своей подруги по полку. Подруга звала ее приехать в Кисловодск, там вроде бы было не так голодно. Но выезд из Украины был запрещен. Мама оббивала пороги каких-то учреждений и все-таки добилась пропуска на выезд. Я был в это время совсем плох. Помню какие-то вокзалы. Мы проходим мимо опухших от голода людей. Я кошусь на них. Мне страшно: распухшие от голода лица не похожи на лица людей. По ним ползают мухи. Ноги, руки – как тумбы.

Помню вагон, переполненный людьми. Мама заставляет меня съесть кусок хлеба. Я пытаюсь, но не могу. Мама плачет. Наш сосед по купе, старый грузин, спрашивает маму: «Что с мальчиком?» Мама говорит, что я заболел от голода и ничего не ем. «Сейчас мы его вылечим», – обещает старик и достает из своей корзинки бутылку с вином. Налив полный стакан, он подает его мне. «Пей, будет хорошо». Я упираюсь, я не хочу. Он кричит: «Пей! Пей, дорогой!» Я боюсь старика. Давясь, я отпиваю один глоток, но строгий старик приказывает: «Пей! Пей! Будет хорошо!» Я выпиваю целый стакан и засыпаю. Пока мы ехали, я опорожнил всю бутылку, и вино помогло. Я начал есть. Но скоро хлеб кончился. Благо нам надо было выходить. Я всегда с благодарностью вспоминаю этого доброго старика.

Маминых знакомых в Кисловодске не оказалось. «Они недавно уехали в Баку», – сказала соседка. Но у нас не было денег ехать в Баку. Мама стала искать работу. Мы ходили весь день по разным учреждениям, но работу не нашли. Мама просила меня потерпеть, она думала, что я голоден. А мне не хотелось есть. Я устал. Мне хотелось лечь на асфальт и уснуть. Потом мы ехали куда-то на электричке, и я наконец уснул. Проснулся я в Пятигорске. Мама снова ходила по городу в поисках работы. Отчаявшись, она зашла на кухню военного санатория и попросила у повара «хлеб для ребенка».

Повар по говору понял, что мы с Украины.

– Откуда ты, дочка?

Мама сказала. Повар был рад, что встретил землячку. Он дал нам по ложке каши и спросил маму:

– Ты грамотная?

– Да.

– Тогда беги к начальству – у нас недавно умер библиотекарь, может, возьмут тебя.

Мама оставила меня у повара и побежала к начальству. Скоро она возвратилась и радостно сообщила, что ее приняли на работу.

Нам дали маленькую комнатку, отгороженную от библиотеки фанерной стенкой, и питание «на работника». Мама делила его на двоих. Мы не были сыты, но и не голодали. Иногда сердобольный повар приносил нам немного каши или кусок хлеба.

Пришла южная весна, а за ней и лето. Я с малышами лазил в соседний сад. Мы рвали еще не созревшие орехи, очищали зеленую «рубашку» и ели мякоть. Руки и лица наши вокруг рта были коричневыми от сока.

Санаторий «Красная Звезда» располагался у подножья горы Машук. Ребята водили меня на гору. Я смотрел с горы на Пятигорск. От высоты захватывало дух. Дома казались маленькими, как спичечные коробки, и люди – как муравьи. Поднимались мы и на то место, где убили Лермонтова. Я знал, что Лермонтов был поэтом. Мама читала мне вслух его стихи и говорила, что его убили по приказу царя. Мишка Зуб, самый старший из нас – ему было 15 лет – говорил, что это неправда, что Лермонтова убил Мартынов. Я яростно спорил с ним. Вообще на Кавказе жить было интересно. Мы ходили на Провал – гору с дыркой вверху. Сквозь дырку было видно зеленое озеро. Оно пахло тухлым яйцом. Ребята говорили, что оно вылечивает болезни.

Мама в молодости была весьма симпатична. Отдыхающие атаковали библиотеку не только из тяги к литературе. Они кто как мог заигрывали с мамой. Она была со всеми проста, но умела поставить барьер между собой и ими. Был один человек, седеющий, красивый [10] мужчина. Он часто засиживался с ней допоздна. В его петлицах было два ромба, а на груди

– орден Красного Знамени, все мальчишки его уважали. Однажды я случайно увидел, как по дорожке к Машуку идут моя мама с Василием Сергеевичем. Он обнимал ее за талию. Это не вызвало во мне ревности. Я даже желал бы иметь такого папу. Но, когда на следующий день Мишка Зуб (сын главного врача Зубина) сказал, что Клавдия Петровна гуляет с отдыхающим, я бросился на него с кулаками. Зуб отбросил меня, как котенка. Я больно ударился и заплакал, но не от боли, а от обиды за то, что я маленький и слабый и не смог защитить свою маму.

Когда Василий Сергеевич уехал, мама погрустила дня три, потом не выдержала и поехала за ним в Баку.

В Баку мы сперва нашли маминых однополчан: Соню и Гургена Ашотовича, ее мужа. Найти их было нетрудно. Гурген Ашотович Арутюнян, был начальником милиции и его все знали. Он был старше тети Сони и инвалид. Ногу он потерял на гражданской войне, а тетя Соня его спасла от смерти. Она сама об этом рассказывала. Гурген Ашотович помог маме устроиться в милиции следователем и связаться с Василием Сергеевичем. Мама несколько раз встретилась с ним, но потом перестала. Это меня огорчило: я по-прежнему мечтал о таком папе. Мама сказала:

– У него семья.

– Ну и что? – возразил я.

– Я не вправе отнимать у его мальчиков отца, – ответила она грустно и прибавила: – Ты уже большой и должен понимать. Тебе хорошо было расти без отца?

Я никогда не чувствовал себя несчастным от того, что рос без отца. Но я не сказал ей об этом. Мама всегда говорила о моем отце только хорошее. Заставляла меня посещать его семью. Я выполнял ее желания, но с ним мне было скучно и тяжко, хотя я знал, что он любит меня. Он очень волновался при встрече со мной и мамой. А она относилась к нему с уважением и помогала ему в трудное для него время.

Отрочество

Мама не была карьеристкой, но всегда увлеченно работала, и все у нее хорошо получалось. Такие люди тогда были нужны. Ее выдвигали на разные работы. Она была народной судьей. Говорили, что она справедливая. Потом ее послали в Одессу учиться на высших юридических курсах. А в Баку, в милиции, она сперва была следователем, потом старшим следователем, потом стала большим начальником и носила милицейскую форму, а в петлице – один ромб. Гурген Ашотович говорил тете Соне, что у нее, у мамы, талант. Она не только разоблачала преступников, но и оправдывала невинных.

Однажды осенью она разбудила меня очень рано.

– Поедем к морю, – сказала она, помогая мне одеваться.

– Почему к морю, ведь холодно? – капризничал я.

– Так надо! – тон ее не допускал возражений.

Пляж был пустой – ни одного человека. Море штормило. Дул холодный ветер. Мама кого-то ждала. Наконец на пляже появился Василий Сергеевич. Мама сказала:

– Постой здесь. – И быстро пошла к нему.

Они встретились в стороне от меня. За шумом волн я не слыхал, о чем они говорили. Я бросал камешки в набегающие волны Я видел, как он поцеловал маму в щеку и, оглянувшись, стал уходить. Мама возвратилась ко мне. После этого разговора мы, торопясь, собрали вещи и уехали на Украину. Мама устроилась на рядовую работу в МТС. Вскоре она вышла замуж.

Только через много лет я узнал причину этих перемен. В Азербайджане начались аресты и расстрелы работников ГПУ и милиции. Василий Сергеевич предупредил маму о грозящей ей опасности. Он советовал маме скрыться и тем уберег маму от ареста, а меня – от судьбы сына расстрелянного «врага народа». Самого Василия Сергеевича, Гургена Ашотовича и многих других расстреляли, а Соню отправили в лагерь. Она не вынесла разлуки с дядей Гургеном и в скором времени умерла. Об этом мы узнали от знакомой тети, которая ехала из Баку в Запорожье к родителям.

– Бесконечно честные и преданные партии люди, – грустно сказала мама и всплакнула.

Я был уже подростком и понимал, что об этом надо молчать.

Недалеко от нашей школы в городском мелитопольском театре шел спектакль «Чудесный сплав». Мы в красных галстуках выходили на сцену приветствовать создавших сплав. Наших голосов, очевидно, не было слышно в зале, и какой-то дядя учил нас говорить громко. У мамы был неудачный роман с милиционером Мишей. Миша был моложе мамы. Я его называл по имени. За папу я его не признавал, но маму за это не осуждал. Когда роман кончился, я об этом не жалел. Летом несколько школ, и наша в том числе, выезжали в лагерь в окрестности Бердянска. Там было море, и мы ездили в город смотреть кино. Фильм назывался «Крестьяне». Он мне не понравился. В Мелитополе был построен Дворец пионеров. Было торжественное открытие. В зал набилось много взрослых. Стояли в проходе и за стульями у дверей. Аплодировали директору Дворца, и какой-то дядя закричал от дверей: «Да здравствует товарищ Хатаевич!» Я не знал, кто такой Хатаевич. Меня поразил этот крик, казалось, что дядя кричал от страха. Потом мама говорила, что Хатаевича расстреляли.

Во Дворце были разные кружки. Я посещал кружок рисования. Им руководил хороший педагог, фамилию которого я, к стыду своему, не могу вспомнить.

Это время было совсем не похоже на то, что делается теперь: образование было бесплатное для всех, в пионерские лагеря дети ездили за символическую плату, доступную каждой семье, многие бесплатно, за счет профсоюзов. Дворец пионеров был построен на средства государства. И за кружки, которые мы посещали, не надо было платить ни копейки.

Я взрослел и наконец вместе с мамой оказался в Москве, куда она и мой отчим Павел Антонович Литвиненко были посланы на учебу в Академию соцземледелия. Академией, я думаю, она называлась для авторитета. Фактически же это были двухгодичные курсы при Тимирязевской академии, на которых повышали квалификацию работники сельского хозяйства. Мы получили отдельную комнатку в общежитии на Лиственной аллее. Я был определен в лесную школу, в районе Тимирязевской академии (трамвайная остановка с архаичным, но милым мне названием «Соломенная сторожка»).

В этой школе мне не повезло. Я был провинциалом, мои слабые по сравнению с москвичами знания и украинизмы в речи вызывали у моих одноклассников насмешки. А это был шестой класс, когда в мальчишках просыпается обостренное чувство собственного достоинства. Посещать эту школу было неприятно, и я решил просто туда не ходить. Мама давала мне рубль в день на трамвай и еду. Я уезжал в центр, покупал за пятак вход в Политехнический музей и проводил в нем весь день до закрытия. Там же, в буфете, покупал себе какой-нибудь бутерброд и чай. Часто, когда оставались 10 копеек, забегал в кинотеатр «Художественный».

Это был период расцвета советского кино. На экраны выходили замечательные фильмы. Политехнический музей формировал во мне знания – таких знаний не могла дать мне никакая школа, – а фильмы формировали мировоззрение.

В конце учебного года маму вызвали на родительское собрание, и она с удивлением и испугом узнала, что я весь год не посещал школу. Был серьезный, разговор. Я объяснил, почему так поступил. Ни мама, ни отчим меня не ругали. В это время заканчивалось строительство новой школы-десятилетки на Лиственной аллее. В новом учебном году я уже учился в этой школе.

Юность

Эта школа сыграла в моей судьбе очень важную роль. В ней учились главным образом дети профессорско-преподавательского состава Тимирязевской академии, с которыми было интересно общаться. Преподавали нам прекрасные учителя. Да и сам я был не тем, [15] что в Лесной школе: я обтесался, научился правильно говорить по-русски, подружился с хорошими ребятами. Самым близким мне другом был Карлуша Бондарев. В период юдофобства и борьбы с «космополитами» кристально честный Карлуша принципиально сменил русскую фамилию матери на еврейскую фамилию отца: Кантор. Его мать Ида Исааковна Бондарева, член коммунистической партии с 1903 года, во время столыпинской реакции эмигрировала в Аргентину, была одним из организаторов аргентинской компартии. Я часто бывал в этой семье. Мне в ней нравилось все: и скромная легкая мебель, и полки книг во всех комнатах от пола до потолка, и то, что они знали много европейских языков, и стиль отношений в семье. Они были удивительно красивыми людьми и физически и нравственно. К простым людям они относились без деланного демократизма, но с искренним уважением, презирали чванство и притворство, ненавидели национализм, много трудились. Отец Карла был профессором геологии в Тимирязевской академии. Он тоже был коммунистом. Карл привил мне любовь к поэзии Владимира Маяковского. Его родная сестра Лиля Герреро была в Аргентине писательницей и перевела Маяковского и других советских поэтов на испанский. Она пару раз приезжала в Москву, я познакомился с ней. Она была необычно красива. Я, мальчишка, любовался ею и с уважением смотрел на орден Красной Звезды, который она получила за Испанию (воевала в интернациональной бригаде). Карл тоже родился в Аргентине. Родители возвратились в СССР только в 1924 году.

Ко мне они относились просто и душевно. Глядя на них, я с восхищением думал: «Такой была ленинская гвардия коммунистов: умными, скромными, образованными и работящими».

Об идеологии, господствующей в то время, сегодня принято говорить чуть ли не как о мракобесии. Это неправда. «Коммунистом можно стать, только освоив все богатства культуры, выработанные до нас человечеством», – писал Ленин. Это было идеологической основой нашего воспитания. В школе нам преподавали Пушкина, Некрасова, Блока, Горького и других писателей, разумеется, подчеркивая их революционность. Не одобряли, но и не запрещали Есенина и Достоевского, но мы их читали и составляли о них свое мнение, отличающееся от официального.

Помню, я пришел в общежитие поздно. Мама и Павел Антонович уже спали. На электрической плитке, ожидая меня, стоял холодный чайник, на столе – хлеб и кусок дешевой колбасы. А рядом – открытая книга. Не садясь за стол, я прочитал несколько фраз и уже не мог оторваться. Это было «Преступление и наказание» Достоевского. Так, не меняя позы, я всю ночь читал и дочитал роман до конца, а потом вернулся к началу. С тех пор я полюбил Достоевского. Люблю его и сейчас.

На уроках истории преподаватели критиковали царей, исключая разве Петра Первого. О Степане Разине и Емельяне Пугачеве говорили как о предтечах революции. Восхищались подвигом декабристов и победой над Наполеоном. Гордились Суворовым, Кутузовым и победами адмирала Ушакова, романтизировали революцию и гражданскую войну. Конечно, жизнь и размышления внесли во все это частичные изменения, но не зачеркнули основного, главного. Вот и подумаешь: когда было мракобесие, тогда или теперь? Когда отсутствует национальная идея и господствует беспредел в культуре и экономике, а общество живет в основном за счет иностранных товаров и воровства. Не сомневаюсь, прочтя эти строки, многие одичавшие интеллектуалы зачислят меня в зюгановцы. «Знаем мы их идеологию! – скажут они. – Все поделить и раздать!» – и повторят джентльменский набор модных благоглупостей. О жестоко-

стях Ленина, убивавшего зайцев прикладом, о железном занавесе и о К. Марксе как о виновнике пустых полок в наших магазинах.

Социализм не появился на следующий день после Октябрьской революции – он, как все живое на Земле, родившись, развивался и принимал различные формы. Были разные периоды в этом развитии. Валить все в кучу можно только по невежеству или злому умыслу.

Действительно, в донэпманский период «отнять и разделить» предлагали шариковы. Но действия шариковых привели к усилению голода. Ленин лучше других понимал, что, следуя этим путем, Россия, в недрах которой уже зрел эмбрион социализма, погибла бы от истощения. Ленин вопреки яростному сопротивлению Совнаркома предложил НЭП и накормил Россию. Страна выжила, выжил и эмбрион. Ленин совершил еще один подвиг: будучи уже тяжело больным, он письмом к съезду предупредил партию об опасности власти Сталина. Его не послушали, но это уже не его вина.

А Маркс был против использования его теории в России. Наши одичавшие полузнайки либо не знают, либо намеренно скрывают это – боятся отстать от моды.

Однако я слишком увлекся и потерял нить повествования. Обо всем этом я расскажу во второй книге в разделе «Ликбез», а сейчас вернемся в тридцатые годы в школу, в которой я учился.

Я сильно отставал от сверстников в математике. Помогать мне вызвался мой одноклассник Андрюша Кисловский. Я часто бывал у Андрюши и очень уважал его семью. При многих различиях с Канторами (Кисловские происходили из старинной дворянской фамилии) я замечал в них много общего. Возможно, это было то, что раньше называлось культурой. Теперь, как верно заметил А. И. Солженицын, интеллигентами называют «образованщину» – людей, получивших образование, но не усвоивших элементарной культуры.

Андрюша Кисловсккий много читал и был эрудированнее всех нас, его сверстников, а иногда и преподавателей. Первое время он позволял себе поправлять преподавателей, не соглашаться с ними и противопоставлять им свое мнение. Но потом как-то вдруг перестал.

«Надо быть чутким к преподавателям», – часто повторял он, очевидно, цитируя отца, и при этом весело хохотал.

У него был младший брат Левушка. Жили они вдвоем в одной комнате, стены которой были увешаны бумажками с разными грамматическими формами английского языка. (В школе мы изучали немецкий, он и немецкий знал неплохо).

Но особенно талантливым Андрей был в математике. Наш учитель математики Борис Васильевич Романовский часто восхищался его способностями.

В то время сверх программы мы проходили тригонометрические функции. Для того чтобы прийти к ответу, надо было исписать преобразованиями два-три листа тетради. Андрей подходил к доске и, вместо того чтобы заняться преобразованиями, стоял и мурлыкал какую-нибудь арию, чаще всего арию Варяжского гостя, а потом вдруг писал на доске правильный ответ. Борис Васильевич изумлялся: «Как вы к этому пришли?» Андрюша излагал свой ход мыслей, и Борис Васильевич изумлялся еще больше.

Сам Романовский был человеком недюжинным. Седой, стройный, всегда элегантный, он приходил на уроки как на праздник. Все девчонки были влюблены в него. Он мог подойти к доске и, как бы небрежно, начертить на ней мелом идеальную окружность. «Как по циркулю!» – восхищались мы. Его чертеж на доске можно было выставлять на выставке. Он был в своем деле и художником и артистом. Ему принадлежало авторство книги по математике. Он и преподавал свой предмет по своей, нестандартной методике. Ко мне он относился строго, и я до сих пор благодарен ему за это.

С помощью Андрюши я догонял сверстников и, бывало, выйдя к доске, правильно решал трудную задачу. Тогда Борис Васильевич задавал мне вопрос из пройденного. Я не мог на него ответить и получал двойку.

Я не помнил многих теорем и, когда во время контрольных работ возникала в них необходимость, сам находил доказательства. Борис Васильевич, кроме контрольной, требовал сдать и черновики, но я не придавал этому значения.

Однажды я зашел в учительскую, где в первой комнате хранились учебные пособия и школьная газета (я хорошо рисовал и оформлял эту газету). Во второй комнате, в учительской, шел разговор, кого оставить на второй год. Услыхав свою фамилию, я насторожился.

– А я категорически возражаю! – запальчиво говорил Борис Васильевич. – Чухрай действительно сильно отстал, но у него богатая математическая интуиция. Он у меня еще будет отличником!

Эта похвала весьма подняла меня в собственных глазах. Я стал много работать и окончил восьмой класс отличником по математике. В этом, конечно, была большая заслуга Андрея Кисловского. Андрей произвел на меня неизгладимое впечатление, которое я сохранил на всю жизнь.

Был у меня еще один приятель – Женя Гужов. Когда мои родители, окончив академию, уехали работать на Украину, добрая мама Жени за небольшую плату согласилась кормить меня обедами. В доме Гужовых, веселом и чистом, напоминавшем мне наш украинский дом, пахло свежими щами. Женя Гужов хорошо учился и имел редкий почерк. Мы вместе с ним оформляли школьную стенгазету. Он был верным другом и добрым парнем Отец его служил в милиции.

Итак, мои родители уехали на Украину, а я остался в Москве: жалко было расставаться с друзьями и преподавателями, многих из которых я успел полюбить. Держала меня в Москве и первая юношеская любовь.

С моей одноклассницей Нелей Фроловой многие мальчишки хотели бы дружить. Она почему-то избрала меня. Я был горд этой победой и долго был ее верным другом. Я бывал у нее дома, был знаком с ее родителями, защищал ее от хулиганов. Тогда и хулиганы были не такими «крутыми», как теперь: не было жестокости. Самое большее, что они могли совершить, – это слегка поколотить конкурента или сказать нелестное слово о девушке, но не больше. В таких случаях я тоже пускал в ход кулаки и заставлял уважать девушку.

Вместе с Карлом мы организовали кружок Маяковского и с успехом читали его стихи в школе и на других вечерах. У Карла был прекрасный голос. Некоторые строки Маяковского волновали его настолько, что, произнося их, он заметно бледнел, и чудный его баритон усиливался до крика.

– Ты так кричишь, что я ничего не слышу! – говорил Андрей Кисловский полушутя (он ценил чтение Карла и часто слушал его и меня).

Дело шло к окончанию школы, и надо было решать, в какой институт пойти. Одно время я хотел стать врачом, потом пристрастился к технике. При Дворце пионеров, кроме разных кружков (по рукоделию, литературе, рисованию и прочему), была детская техническая станция. Там под руководством инструкторов можно было мастерить модели самолетов и кораблей (руководителей и материалы бесплатно давало государство). Я мастерил примитивные радиоприемники. Они работали. В наушниках я слышал наши, а иногда и зарубежные станции.

Вообще в Советском Союзе делалось много полезного для развития детей. Каждое лето за символическую плату школьники выезжали в пионерские лагеря, в лес, к реке, к морю. Сегодня это доступно только богатым, и то не всем. И в лагерях были различные кружки по интересам. Это был настоящий отдых!

О пионерских лагерях сегодня принято говорить с циничной усмешкой – «лагеря для промывания мозгов». Глупость! Нам не надо было промывать мозги – в них ничего не было, кроме советской идеологии. А диссидентов среди детей не бывает.

Нас учили быть честными, трудолюбивыми, бескорыстными, хорошо учиться, любить свою родину, уважать трудящихся всех национальностей. Что здесь плохого?

Правдолюбы не упустят случая напомнить нам и себе о Павлике Морозове. Для нас Павлик Морозов никогда не был примером для подражания. Нельзя привести ни одного случая повторения его «подвига». Мы любили своих родителей и не собирались их предавать. Но были события и пострашнее, чем сказки о Павлике Морозове, – суды над «врагами народа». На комсомольских собраниях от детей «разоблаченных врагов» требовали, чтобы они отказывались от своих родителей. Мы понимали, что это изуверство, но бороться с этим еще не умели.

Когда мы окончили школу, Андрей пригласил Карла и меня к своему деду. Старый академик Дмитрий Моисеевич Петрушевский хотел познакомиться с друзьями своего внука. Не знаю, какое впечатление произвели на него мы, но он на нас произвел большое. Мы первый раз в жизни видели живого академика. Он говорил с нами как с равными. Делился своими мыслями, совершенно не опасаясь никого. Например, говоря о «Кратком курсе истории партии», он беззлобно заметил, что эта книга ничего общего с историей не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил. Нам в это время уже многое не нравилось.

– Как же вы могли молчать! – возмущаются полузнайки.

Мне всегда хочется спросить их:

– А как же вы сегодня молчите, когда вас грабит родное правительство, когда вы наблюдаете тысячи случаев беззакония, заказные убийства почти каждый день, депутатов с криминальным прошлым и настоящим, голодную армию, торгующую своим оружием, и множество других безобразий? Воистину: в чужом глазу соломинку видите, а в своем бревна не замечаете. У нас был тотальный страх, отсутствие свободы слова, ГУЛАГи, психушки, а у вас «демократия», «свобода слова», «плюрализм мнений»… Почему вы молчите? Кого боитесь?

– Гримасы переходного периода, – оправдываются полузнайки. – У нас еще «дикий капитализм». Вот когда все утрясется…

– Так ведь и у нас был еще «дикий социализм», который только начинал формироваться, и мы тоже переживали переходный период. С той только разницей, что за 18 лет, от НЭПа до Великой Отечественной войны, наша отсталая аграрная страна стала страной поголовной грамотности и второй индустриальной державой мира!

Мы тоже принимали суды над «врагами народа» и другие преступления власти за «гримасы переходного периода», а развитие страны, успехи науки, техники и культуры – за свет в конце туннеля!

В эти годы я стал серьезно подумывать о кинематографе. Последнее время на экранах один за другим появлялись подлинные шедевры: «Машенька», «Мы из Кронштадта», «Щорс», «Веселые ребята»… И в прежние годы выходили хорошие фильмы, но эти пошли косяком. В школе я увлекался не только стенгазетой, но и драмкружком. В дни празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина мы с Нелей Фроловой играли на вечере в школе «Сцену у фонтана» из «Бориса Годунова». Марину Мнишек играла Неля. Я был Самозванцем, Гришкой Отрепьевым. Потом мы ставили отрывки из «Русских женщин» по Некрасову. Мне было интересно и радостно заниматься этим. Окончив школу, я уже твердо знал, что хочу учиться во ВГИКе.

После выпускного школьного бала мы всю ночь гуляли по Москве, не опасаясь ни за себя, ни за своих девушек. Нам, нашей жизни ничто не угрожало. Это была свобода! А сегодня, когда боишься открыть дверь незнакомому человеку, – какая же это свобода?! (Написав эти строки, я подумал: «Я не совсем объективен. Нам действительно ничего не угрожало, а были люди, которые вздрагивали по ночам от звонка в дверь – боялись арестов».)

– А у нас теперь свобода слова и демократия! – хвастают полузнайки.

– Не обольщайтесь, – могу возразить я. – Нет у вас демократии! Народ на референдуме проголосовал за сохранение Советского Союза, а власть поступила, как ей хотелось. Выборы превратились в фарс. И свобода слова… Ведь она не только свобода говорить правду, но и свобода бессовестно врать, что мы и наблюдаем ежедневно.

Когда я пишу все это, то отнюдь не зову никого в прошлое. Да это и невозможно, реки истории не текут вспять. Я только знаю, что народ, утративший историческую память, превращается в толпу. А с толпой можно делать все что угодно. Так произошло с моей страной. Наблюдать это мне больно.

Но я опять отвлекся и могу быть неправильно понят. Вроде бы я занимаюсь бессмысленным спором: когда было лучше, раньше или теперь. Кому-то было лучше тогда, кому-то лучше теперь. Спорить об этом глупо, ибо каждая из сторон может найти тысячи убедительных аргументов в доказательство своей правоты. «История такой предмет: за какой цитатой полезешь, ту и вытащишь», – говорит мой сын. Я с ним согласен. И неправда, что в споре рождается истина. Она рождается только в тех редких случаях, когда обе стороны заинтересованы в истине. В споре, в котором каждая из сторон доказывает свою правоту, рождаются только взаимная неприязнь, вражда и агрессия.

Итак я подал документы во ВГИК и был допущен к экзаменам. Но пришел офицер из военкомата и объявил, что юноши, родившиеся в 1921 году, призываются в армию. Мы должны выехать на постоянное место жительства, и там будем призваны.

Это меня нисколько не огорчило. Тогда отношение к службе в армии было совсем другим, чем теперь. Я даже был рад призыву. «Какой из меня режиссер? – думал я. – Что знает о жизни десятиклассник? А вот послужу полтора года, получу опыт, возмужаю. Тогда можно учиться искусству…»

Я уехал на Украину к родителям и стал ждать.

Призвали нас только в январе 1940-го года. Ожидая призыва, я не терял времени зря: читал Станиславского и Сахновского, даже по просьбе директора местной школы читал несколько месяцев лекции по литературе в старших классах. Прослужив до июня 1941 года и очень мало узнав о жизни, я, фактически со школьной скамьи, попал на войну.

Война явилась для меня действительно хорошей школой. На второй день войны я был первый раз ранен. Воевал на Украине, на Тамани, защищал Сталинград, выходил из окружений, прыгал в тыл врага (я служил в воздушно-десантных войсках), был четырежды ранен. Последнее ранение получил в апреле 45-го в бою у города Папа, на пути к Вене День Победы встретил в госпитале. Демобилизован в конце декабря 1945 по ранению.

На войне я не стал героем, каких было немного. Я был обыкновенным солдатом, а потом и офицером, каких были миллионы. Я любил свою армию. В ней не было национализма. Солдаты ценили друг друга не по национальной принадлежности, а по уму, смелости и умению воевать. О такой гадости, как дедовщина, мы и слыхом не слыхали. На войне мне везло: у меня были верные друзья, которые не предадут и не бросят в беде. Я мог тысячи раз погибнуть, но мои ранения не сделали меня калекой (во всяком случае, внешне).

Мне повезло и после войны: меня приняли во ВГИК. Моими мастерами были С. И. Юткевич и любимый мной человек, режиссер Михаил Ильич Ромм.

После окончания института я дружил со многими видными кинематографистами мира: с Ивом Монтаном, с Симоной Синьоре, с Джузеппе де Сантисом, с Мариной Влади и Одиль Версуа. С великими советскими кинематографистами: Марком Донским, Иваном Пырьевым, Александром Довженко, Александром Згуриди. С Сергеем Бондарчуком и Сергеем Урусевским. Был дружен с главой социалистической Венгрии Яношем Кадаром. Встречался с маршалами Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, И. С. Коневым, с адмиралами флота Исаковым и Сергеевым, с Индирой Ганди, с шахиней Ирана, с Никитой Хрущевым и многими другими выдающимися лицами моего времени. Я никому не льстил, никому не лез в душу – все получалось само собой. Моими личными друзьями были мои фронтовые братья: Павел Кирмас, Георгий Кондрашов, Сурен Мирзоян, поэты Наум Коржавин, Назым Хикмет, Александр Твардовский. До сих пор, вот уже 60 лет, я дружу с Карлом Кантором.

Став режиссером, я считал, что фильм – поступок, и старался не совершать поступка, за который мне было бы стыдно. Мои фильмы любили зрители. А чиновники от искусства меня не любили. Неправда, что они были все дураками и невеждами. Многие из них были образованными и знающими людьми, но их положение в тоталитарном государстве требовало от них учитывать уровень культуры начальников. Поэтому они перестраховывались – старались угадать, что может не понравиться начальству, и критиковали на всякий случай все, что может им, чиновникам, повредить. Были и невежды-перестраховщики, эти хамили и зверствовали, грубо вмешивались в творческий процесс.

За первый мой самостоятельный фильм «Сорок первый» меня отдавали под суд. За «Балладу о солдате» исключали из партии, за «Чистое небо» пытались посадить за решетку, за «Трясину» чуть не разогнали руководство студии, а меня хотели лишить права на профессию. Я никому не жаловался, никого не просил о помощи. Я боролся. И так получалось, что многие люди приходили мне на помощь. Мои фильмы получили десятки престижных призов на международных фестивалях, а за «Балладу о солдате» я получил Ленинскую премию. Но сегодня радует меня не это. Меня радует, что снятые 30–40 лет назад они до сих пор не сходят с экранов. Сотни других фильмов уже давно умерли, а мои еще смотрятся и волнуют зрителя. Мне приятно вспомнить, что за двадцать лет до Михаила Горбачева я вместе с замечательным человеком Владимиром Александровичем Познером (отцом Владимира Познера, хорошо знакомого телезрителям) начал перестройку, необходимость в которой была уже в то время. Мы создали первое предприятие, построенное на экономических стимулах к труду, – «Экспериментальную творческую киностудию». В ней не было ничего от рыночной экономики. Это было социалистическое предприятие. Мы снимали фильмы на свои заработанные трудом и талантом деньги и резко ограничили вмешательство чиновников в творчество. Студия подарила художникам свободу творчества, а кинематографу – такие фильмы как «Белое солнце пустыни», «Табор уходит в небо», «Раба любви», «Иван Васильевич меняет профессию», «Двенадцать стульев», «Не горюй» и другие, вошедшие в золотой фонд советской кинематографии.

Я был советским гражданином – солдатом и режиссером – и этим горжусь, нисколько не боясь оказаться немодным или отстать от прогресса, тем более что, как любил говорить Н. Коржавин, неизвестно, куда идет прогресс.

Эпоха, в которой я жил, была голодной, жестокой, кровавой и одновременно великой.

Моя цель – правдиво описывая свою жизнь, говорить все, что в ней было. Как я думал о ней тогда и как думаю сейчас. Что считаю ошибками и преступлениями, а что – достижениями. Ибо это правда, о которой современная молодежь понятия не имеет.

Перед войной

Новейшая техника

В начале апреля 1941 года батальон связи 134-й стрелковой дивизии, в котором я служил, выехал из Мариуполя в лагерь, в окрестности Белгорода. Прекрасное место для военной подготовки. Среди вековых сосен мы оборудовали полосу препятствий, курилку, столовую, классы для занятий, столы для чистки оружия, разбили палатки. Но прошло несколько дней, и нам приказали уничтожить все, что построено, чтобы «враг не мог догадаться, что было на этом месте». Затем полк построили и объявили поход на дальнюю дистанцию. Куда мы идем, нам не сказали, да мы и не ждали объяснения. На дальнюю так на дальнюю, все равно скоро демобилизация. Начальству виднее. Было приказано взять на себя все, что положено солдату в походе: оружие, боевые патроны, противогаз, флягу, вещмешок с неприкосновенным запасом питания, шинель в скатке – тяжесть для похода предельная. Но наше начальство, привыкшее выполнять и перевыполнять, приказало взять на себя еще и одеяла в скатке. Это уже было сверх всякой нормы – тяжело, неудобно и не нужно, но приказ есть приказ.

Сверх всего этого радисты (а я был в то время радистом) несли на себе радиостанцию (по-военному рацию).

Сегодня, когда с помощью телефона, помещающегося в нагрудном карманчике пиджака, можно связаться практически с любой точкой земного шара, читателю будет, пожалуй, небезынтересно узнать, что рация 6ПК (полковая радиостанция) держала устойчивую связь всего на 6 километров микрофоном и на 12 километров ключом Морзе, а общий вес ее был чуть меньше четырех пудов. Переносилась она в двух упаковках. Нести на себе каждую из них должен был расчет из 4-х человек, сменяя друг друга в походе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.